

УДК 94(470.25)''1483/1485'':323.3(045)

*С.С. Пашин, В.А. Юришина***ЕЩЁ РАЗ О ДВИЖЕНИИ ПСКОВСКИХ СМЕРДОВ 1483–1486 гг.**

В начале статьи рассматриваются различные мнения историков о движении псковских смердов 1483–1486 гг., отмечаются сильные и слабые стороны их аргументации. Далее выявляется роль основных участников событий: смердов, посадников, бояр, «черных людей», а также Ивана III и его наместника в Пскове. В статье основное внимание уделяется не перипетиям социального и политического конфликта, а проявившимся в событиях 1483–1486 гг. характерным особенностям смердов. В отличие от своих предшественников, которые видели в псковских смердах XV в. либо всех сельских жителей, либо некое подобие государственных крестьян, авторы статьи считают, что местные смерды находились в тяжелой (возможно, крепостной) зависимости от Пскова и были потомками древнерусских государственных рабов, посаженных на землю – по терминологии И. Я. Фроянова, «внутренних смердов». Иван III поддержал попытку смердов уменьшить их повинности в пользу Пскова, поскольку это сокращало государственные доходы и усиливало зависимость Псковской вечаевой республики от Москвы.

Ключевые слова: Псков, смерды, вече, Иван III, 1483–1486 гг.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-117-124

Движение псковских смердов, или «брань о смердах» 1483–1486 гг. – тема, которая привлекала внимание многих дореволюционных, советских и современных российских историков. Наличие нескольких специальных историографических обзоров избавляет нас от необходимости упоминать все высказанные мнения и подходы. Позволим себе использовать обобщения историографического характера, сформулированные Ю. Г. Алексеевым в успешной статье классической книге о Псковской Судной грамоте.

Ю. Г. Алексеев назвал три проблемы, которые вызвали наибольшие споры в процессе изучения «брани о смердах». Первая проблема – «это социально-экономическая характеристика самих смердов». Согласно ученому, большинство историков – среди них И. Д. Беляев, В. И. Сергеевич, Б. Д. Греков, И. Д. Мартысевич, Н. Н. Масленникова – считали псковских смердов XV в. «феодально-зависимыми крестьянами, несущими повинности в пользу и Господина Пскова, и феодалов-землевладельцев» [2, с. 204]. Он справедливо указал, что взгляды Б. Д. Грекова и его последователей во многом базировались на представлении о смердах как основной массе сельского населения домонгольской Руси, синониме более позднего термина «крестьяне» [2, с. 205].

Вторая группа историков придерживалась мнения, что псковские смерды зависели только от государства, т. е. были неким подобием черных крестьян и не несли частновладельческих повинностей (А. И. Никитский, А. Е. Пресняков, Л. В. Черепнин, Б. Б. Кафенгауз, Л. М. Марасинова). Ю. Г. Алексеев причислил себя именно к этой группе. По его словам, «псковские смерды 80-х гг. – это прежде всего крестьяне, несущие повинности в пользу феодального государства. Об их частновладельческих повинностях нет никаких прямых указаний» [2, с. 205–207].

По словам Ю. Г. Алексеева, вторым предметом дискуссии являются «смердые грамоты», о которых упоминают Псковские летописи, рассказывая о движении псковских смердов 1483–1486 гг. Одни историки писали о двух таких грамотах (старой и новой), другие – о трех, однако в литературе высказывались мнения и только об одной или, напротив, нескольких (более трех) «смердых грамотах» [2, с. 207–209].

Третья и, по мнению историка, «самая главная» проблема, поставленная в историографии событий 1483–1486 гг. – «это общая характеристика этих событий, их политического и социального содержания». Позволим себе не согласиться с мнением известного специалиста по истории средневековой Руси: из названных проблем главной является все-таки первая – выяснение, кем же были псковские смерды. Прочие проблемы носят вспомогательный характер.

Ю. Г. Алексеев точно обрисовал общую схему событий 1483–1486 гг.: псковские посадники при участии наместника Ивана III самовольно попытались уменьшить повинности местных смердов в пользу Пскова. Эта попытка встретила одобрение смердов (что вполне ожидаемо) и безоговорочную поддержку Ивана III (что требует каких-то объяснений), однако вызвала решительное несогласие со

стороны «черных людей» – рядовых псковичей. Итогом нескольких бурных вечевых собраний в Пскове и прямого вмешательства в конфликт великого князя стали победа смердов и вставших на их сторону посадников и, напротив, поражение «черных людей» [2, с. 211].

Итак, практически все историки сходятся в вопросе, **что** происходило в Пскове в 1483–1486 гг. Разногласия начинаются, когда речь заходит о попытках объяснить, **почему** события развивались так, а не иначе. Лаконичность и туманность летописных известий позволяли делать самые разные предположения. К примеру, Б. Д. Греков считал, что в Псковской республике большинство обрабатываемых земель принадлежало боярам и церковным учреждениям; «вместе с землей в зависимость от частных землевладельцев попали и смерды». В 1483 г. бояре «без ведома веча попытались облегчить повинности смердов в пользу города, с тем, по-видимому, чтобы получить возможность увеличить их в свою пользу. Против этой незаконной попытки возражали черные люди, имевшие перевес на вече» [7, с. 470].

Видевший в псковских смердах некое подобие государственных крестьян Ю. Г. Алексеев, напротив, отрицал вероятность того, что связанная с составлением новой «смердье грамоты» реформа «сопровождалась установлением каких-либо платежей и повинностей смердов в пользу боярской верхушки». В книге 1980 г. Ю. Г. Алексеев делает немало проницательных наблюдений; частично они повторяют мысли предшественников ученого, а частично озвучиваются впервые. Прежде всего, Ю. Г. Алексеев обращает внимание на то, что новая «смердья грамота» была составлена по инициативе не посадников, а наместника великого князя, действовавшего, скорее всего, по указанию Ивана III. «Выдача подобного акта – реализация взгляда великого князя на себя как на государя всея Руси, что в свою очередь приводило к ограничению компетенции и значимости псковского веча» [2, с. 215–216].

Ученый предположил, что «составленная в ответ на движение смердов и в результате переговоров с ними новая грамота скорее всего содержала какие-то льготы для них» [2, с. 215]. Ниже он ясно сформулировал причины «антисмердских» настроений черных людей: бояре и житьи люди – феодалы, живущие за счет зависимого населения. В отличие от них, «черные люди – безземельные или малоземельные члены городской общины, владельцы крохотных участков, обрабатываемых своими силами. Их заинтересованность в повинностях смердов тем больше, чем слабее и неустойчивее их собственное экономическое положение» [2, с. 217].

Смерды, в свою очередь, заинтересованы «в уменьшении их повинностей по отношению к Господину Пскову... Смерды стремятся к новому, черные – держатся за старое. Чаяния смердов объективно отвечают намерениям великого князя и соответствуют общему процессу объединения Руси, и в частности ликвидации псковского сепаратизма» [2, с. 218].

Таким образом, заключает Ю. Г. Алексеев, «при всей разнице своего социально-экономического положения по сравнению с боярами и житыми черные люди составляли вместе с ними одну и ту же городскую общину, господствующую в политическом отношении над всеми землями, тянувшими к Господину Пскову». И эта община «противостояла государственным крестьянам-смердам, платившим дань и несшим повинности в пользу этой общины как своего рода коллективного феодала» [2, с. 219–220].

«Эти повинности – источник военно-экономической силы Пскова... Частичное их ограничение и установление контроля над ними со стороны великого князя через его наместника..., во-первых, ослабляет экономический, а следовательно, и политический потенциал Пскова». Во-вторых, создает «условия для усиления влияния великого князя на значительную и важную в политическом отношении массу населения Псковской земли» [2, с. 225].

Аналогичные оценки прозвучали годом ранее в большой статье Ю. Г. Алексеева «"Черные люди" Новгорода и Пскова...». Однако в ней есть и важные уточнения. Согласно историку, черные люди Пскова, как и в Новгороде, были низами общества, однако сохраняли право участия в вечевом собрании. Поэтому «позиция черных людей – горожан принципиально отличается от позиции сельских жителей – смердов» [1, с. 269].

В 80–90-е гг. XX в. единственным специальным исследованием по истории движения стала вышедшая в 1983 г. в сборнике «Русский город» статья А. Л. Хорошкевич. Подробно рассмотрев все события 1483–1486 гг., историк, прежде всего, утверждает, что «смердов нельзя назвать ни государственными, ни городскими крестьянами: в условиях Пскова конца XV в. это была прослойка сельского населения "княжеско-городского" типа или принадлежности». Далее А. Л. Хорошкевич осторожно напоминает, что использованное в Псковской второй летописи существительное «работа» для обо-

значения повинностей смердов 1480-х гг. еще не потеряло связи со словом «раб». Наконец, она акцентирует внимание на коллективности владения этой категории зависимого населения, на том, что смерды были реликтами Древней Руси. В послемонгольский период они «могли оставаться только там, где на протяжении длительного времени сохранялся институт коллективного управления городом, т. е. в вечевых городах» [15, с. 46–47].

Читатель, не знакомый с реалиями советской историографии Киевской Руси начала 1980-х гг., подумает, что, говоря о происхождении **таких** смердов и их жизни в домонгольский период русской истории, А. Л. Хорошкевич вспомнит о статье «Смерды в Киевской Руси» 1966 г. или книге 1974 г. И. Я. Фроянова, и, увы, ошибется. В 1983 г. А. Л. Хорошкевич была готова поддержать только предположение А. А. Зимина, сделанное в книге 1973 г. «Холопы на Руси»: «смерд – не обычный холоп, т. е. вещь господина, но по своему происхождению связан с рабом» [15, с. 46].

Осторожные высказывания А. Л. Хорошкевич не нашли сочувствия ни в советской, ни в постсоветской историографии. Зато оценки и наблюдения Ю. Г. Алексеева о псковских смердах поддерживаются практически всеми современными отечественными историками. Пожалуй, самый авторитетный специалист по истории средневекового Пскова В. А. Аракчеев не сомневается в том, что «в трудах отечественных историков второй половины XX в. смерды единодушно признаются лично свободными крестьянами, платившими дань князю и Господину Пскову» [3, с. 67]. Мнение А. Л. Хорошкевич о псковских смердах как потомках государственных рабов ему кажется «несовместимым» с реалиями XV в. В. А. Аракчеев настаивает, что «термин "смерд" в XV в. использовался расширительно, охватывая широкие слои сельского населения, как лично свободного, так и несвободного» [3, с. 67–68, 73–74]. В известиях Псковских летописей за 1484–1486 гг. термин имел «отчетливо выраженный уничижительный смысл», отражая неполноправное положение сельских жителей Псковской земли в сравнении с боярами и горожанами [3, с. 79].

Что касается «брани о смердах», то, назвав ее одним из наиболее изученных эпизодов истории средневекового Пскова и в очередной раз перечислив ее основные события, В. А. Аракчеев предпочел не давать собственных оценок [3, с. 75–79].

В том же 2003 г., одновременно с книгой В. А. Аракчеева, увидела свет статья мурманского историка С. А. Никонова, который предложил несколько остроумных, хотя и не всегда убедительных гипотез. К примеру, едва ли можно согласиться с его мнением, что известие Псковской первой летописи от 1483 г., что «посекоша псковичи дворы у посадников», скорее всего, рисуют нам исключительно внутригородской конфликт, никак не связанный с социальными процессами в деревне, включая движение смердов [9, с. 120]. Дело в том, что Псковская вторая летопись связывает завершение «Брани о смердах» с событиями после Филиппова заговенья, т. е. 14 ноября 1485 г., добавляя, что «о том вся земля мятешся по два года» [13, с. 68].

Спорна и его трактовка событий 1484 г.: по мнению С. А. Никонова, арест смердов («смердов посадиша на крепость в погребе») никак не связан с лишением неприкосновенности некоторых псковских посадников. Последние якобы, действительно, заплатились за то, что «грамоту новую списали и в ларь вложили на снях, со князем Ярославом, а Псковь того не ведает» [12, с. 79]. Однако в обеих летописях эта грамота ни разу не названа смердьей, и посадники подверглись аресту не за уменьшение повинностей смердов, а за то, что они составили некий неизвестный по содержанию документ без ведома веча. Иначе говоря, суть случившегося – не в документе, а в нарушении посадниками и наместником Ивана III князем Ярославом Оболенским сложившихся порядков [9, с. 123–124].

В отличие от своих предшественников С. А. Никонов убежден: нет никаких оснований говорить об особом интересе Ивана III к участи псковских смердов. Настойчивое требование великого князя освободить арестованных трех смердов касалось вполне конкретных людей. Возможно, он просто был разгневан тем, что убийство посадника Гаврила на вече и арест смердов в 1484 г. случились в присутствии, но без санкции великокняжеского посла [9, с. 124–125]. «Если для Пскова "брань о смердах" – сугубо внутреннее дело, не требующее вмешательства извне, то для великого князя "брань" послужила поводом для навязывания Пскову новой модели политических взаимоотношений, в которой воля Москвы стоит выше волеизъявления веча» [9, с. 127]. Что касается псковских смердов, то С. А. Никонов оставляет без внимания вопрос о социальной природе этой категории зависимого населения.

В отличие от С. А. Никонова и других историков, мы не планируем разбираться в перипетиях случившегося в Пскове в 1483–1486 гг. политического и социального конфликта и сосредоточим внимание только на одном аспекте этого движения – в качестве кого предстают в нем местные смерды.

Согласно скудным и не всегда ясным летописным известиям, в Пскове незадолго до 13 июня 1484 г. «смердов посадиша на крепость в погребе». Не будем настаивать, что эти смерды имели хоть какое-то отношение к новой грамоте, которую псковские посадники вместе с наместником Ивана III втайне от веча «списали и в ларь вложили на сених» [12, с. 79]. 13 июня 1484 г. посадника Гаврила убили «всем Псковом на вечи», возможно, также вне связи со смердами. Теоретически со смердами могло быть не связано и псковское посольство к великому князю во главе с посадником Григорием Яковлевичем в сентябре 1484 г., о котором кратко сообщает Псковская первая летопись [12, с. 79–80], если бы не одно «но». Согласно Псковской второй летописи, Иван III, которому послы били «чолом, чтобы отдал своя нелюбки, что казнили смердов; ... въсполевся велел смердов отпустить, а посадников откликати, и животы отпечатати, а князю Ярославу добити чолом». Вернувшиеся в Псков послы доложили на вече о результатах поездки, однако «псковичи, черньи люди, тому веры не няша» [13, с. 65].

За неделю до Рождества, в декабре 1484 г., в Москву было направлено следующее посольство, которое ждал отнюдь не радушный прием, поскольку псковичи «смердов не отпуста, ни посадников не откликав, ни князю Ярославу не добив чолом». Послы вновь отчитались на вече о неуспехе своей поездки, и вновь «черньи люди ни темь веры не яша». После этого в Пскове «начат быти брань и мятеж велик межю посадники, и бояре, и житьими людьми, поне же сии вси въсхотеша правити слово князя великого, смердов отпустить, а посадников откликати, а мертвая грамота списана на них выкнути». Псковичи должны были повиниться в том, что они в июне 1484 г. без «повеления и пред послом» Ивана III, «смерда казнили и посадника Гаврила убили». Убежденные в своей правоте «черньи люди молодии» несколько месяцев не шли ни на какие уступки и смирились только весной 1485 г., после убийства их отдельных (от посадников и бояр) послов разбойниками в Тверской земле [13, с. 65–66].

Летом того же года в Москву отправилось официальное псковское посольство из посадников и представлявших концы бояр, которые выполнили все требования Ивана III: «отпустиша смердов, Стехна и Сырня и Лежня, и списаную грамоту мертвую на посадников из ларя выкнутуша, и животы и дворы отпечаташа» [13, с. 66].

В сентябре 1485 г. псковские послы примерно в том же составе повторно «биша чолом» Ивану III «о своей проступке, что били смердов, чрез повеление князя великого казнили». Великий князь их простил и «повелел по всей старине Пскову жити». Так закончился конфликт, который автор Псковской второй летописи назвал «бранью о смердах» [13, с. 68].

Правда, спустя некоторое время волнение могло вспыхнуть с новой силой из-за чрезмерного любопытства «некоего попа», которому «прилучися... у норовских смердов чести грамоти; и наиде тую грамоту, како смердам из веков вечных князю дань даяти и Пскову и всякии работы урочнии по той грамоте им знати. А о той грамоте смерды всеи земли смятенье бысть, что они, потаивше грамоти, не потянуша на своя работы, а псковичамь не сведущем о них... И таковую грамоту смерде исторже у попа из рук и скры; псковичи же посадиша того смерда на крепости. И оттоле начаша, ис пригородов приездя и изо всех волостей обиднии люди бити чолом посадником псковским и всему Пскову на наместников князя Ярослава». Решение спора в очередной раз было отдано на усмотрение Ивана III, который «ярмом оком възрев, рече: давно ли яз вам о смердах вины отдах; а ныне на то же наступаете». Псковские послы со смирением выслушали решение великого князя и, вернувшись 8 июля 1486 г. в Псков, сообщили о воле Ивана III на вече. На новую «брань о смердах» никто из псковичей не отважился [13, с. 68–69].

Подведем предварительные итоги. Кем предстают псковские смерды в лаконичных летописных известиях 1484–1486 гг.? Это – группа сельских жителей, которые несут довольно обременительные повинности в пользу государства – Псковской вечевой республики. Судя по информации о «норовских» смердах, т. е. смердах, проживавших на севере Псковской земли, в бассейне реки Нарва, когда-то эти повинности и, видимо, приписанные угодья были зафиксированы в грамотах локального характера, однако со временем такие грамоты, скорее всего, были утрачены, и повинности стали регулироваться обычаями. Судя по реакции норовских смердов, к 1480-м годам их повинности стали гораздо легче, чем в былые времена.

Аналогичная ситуация, по-видимому, была и в других районах Псковской земли, что, собственно, и вызвало конфликт на общегосударственном уровне. При этом главными оппонентами

местных смердов оказались «черные люди» – представители социальных низов Господина Пскова, а самым влиятельным защитником стал Иван III.

Следует уточнить, что, помимо летописных известий за 1484–1486 гг., смерды и (или) смердьи грамоты упоминаются только в двух актах XIII–XV вв. Первая грамота выдана от имени великого князя Александра и посадника Твердила, т. е. датируется 1252–1263 гг., и посвящена земельной тяжбе между монахами Спасского монастыря и «рожитчанами» – жителями существующей до сих пор деревни Рожитец на острове Каменка, в западной части Псковского озера, на территории Печорского района Псковской области. Не названные смердами «Лочко и Иван и все рожитчане выложиша смердью грамоту», в которой были указаны границы тянувших к деревне угодий. Только благодаря ей спор был решен в их пользу [6, с. 338].

Вторая интересующая нас грамота – это купчая XIV–XV вв. в списке 1679 г. Согласно ей, братья Григорий и Федор купили землю и прочие угодья «в Лисьях» у Якова, Ермола, старосты Родиона «и у всего погоста у сельских смердов смердью землю и воду..., куда смерди сельские ногою стали». Остается добавить, что Лисьи – это нынешняя деревня Лисье на правом берегу Псковского озера, примерно в 8–9 км по прямой от деревни Рожитец [8, с. 59–60, 111–112].

Итак, судя по имеющимся в нашем распоряжении, прямо скажем, скудным источникам, псковские смерды локализируются в двух небольших пограничных районах Псковской земли: на севере, в бассейне реки Нарва, и на западном берегу Псковского озера. Понятно, что решение проблемы псковских смердов требует расширения круга привлеченных источников и включения дискуссионного сюжета в общий исторический контекст.

Первый вопрос, который требует ответа: кто такие «псковичи», в целом, и «черные люди», в частности. Следует признать, что как Ю. Г. Алексеев, так и практически все писавшие на эту тему современные историки видят в псковичах и черных людях только горожан, причем жителей самого Пскова, а не его пригородов. Только они якобы могли участвовать в работе псковского веча [4, с. 148–151; 5, с. 126]. На наш взгляд, это ошибочное мнение. Анализ известий Псковских летописей показывает, что, по крайней мере, в некоторых случаях под «псковичами» подразумеваются жители как Пскова, так и псковских пригородов и волостей. В первую очередь, это касается упоминаний псковичей как участников народного ополчения.

Второй важный вопрос, требующий обращения к общерусским материалам – кто такие смерды? В случае с псковскими смердами 1484–1486 гг. все встает на свои места, если мы признаем их потомками древнерусских «внутренних смердов» – согласно И. Я. Фроянову, государственных рабов, посаженных на землю [14, с. 248–250]. К 80-м годам XV в. псковские смерды претерпели заметную эволюцию и из рабов превратились в феодально-зависимых (возможно, крепостных) крестьян. Они сохранили свою зависимость от государства – в данном случае, Господина Пскова, в пользу которого несли тяжелые повинности. Когда-то эти повинности, по-видимому, были зафиксированы в особых грамотах – здесь напрашивается аналогия с грамотой князя Изяслава Мстиславича о пожаловании новгородскому Пантелеймонову монастырю села Витославлицы с проживавшими в нем смердами [6, с. 141], однако со временем стали регулироваться – явно с выгодой для смердов – устной традицией. В 80-е годы XV в. смердьи повинности, видимо, составляли заметную долю доходов Псковской вечевой республики. Попытка уменьшить эти повинности или не допустить их увеличения со стороны смердов вызвало возмущение псковичей – черных людей и, напротив, поддержку Ивана III. Как сказали бы современные экономисты, уменьшение доходной части бюджета ослабляло Псковскую республику и усиливало ее зависимость от Москвы.

Общеизвестно, что в известиях за XV в. смерды упоминаются только в Псковской и Новгородской землях, в других древнерусских землях термин исчезает гораздо раньше. Например, в Ростово-Суздальской Руси последние упоминания о смердах датируются XII в., а в Галицко-Волынской Руси – XIII веком. Что происходит с этими смердами в дальнейшем? По нашему мнению, на Северо-Востоке Руси все известия XI–XII вв. касаются, следуя терминологии И. Я. Фроянова, «внешних смердов» – лично свободных данников финно-угорского происхождения. Исчезновение таких смердов было следствием их ассимиляции растущим славянским населением.

Что касается галицких смердов XIII в., то их потомки здравствовали и в XIV, и в XV в., правда, они известны под другими терминами. В 1986 г. один из авторов этих строк опубликовал небольшую статью о двух категориях червонорусских королевских слуг – львовских ордынцах и галицких каланых. Речь идет не об официальных терминах, а о бытующих среди местных жителей названиях. Ка-

ланные-ордынцы были *illiberi*, невольными, в данном случае, лишенными права выхода, прикрепленными к земле и королевской службе.

Зависимость каланных-ордынцев восходила к древнерусским временам. Попытка реконструировать их место в галицком обществе XII–XIII вв. приносит следующие результаты: «Эти слуги жили на княжеских землях, выполняли в пользу князя определенные повинности, были лишены возможности покинуть свое село и разорвать служебные отношения. Князь распоряжался выморочным имуществом и активно вмешивался в дела общинного самоуправления» [10, с. 92]. На наш взгляд, это должны быть «внутренние смерды». В 2011 г., в сборнике в честь 75-летия И. Я. Фроянова, была опубликована статья «Саночки сотные XV века». Речь в ней шла о потомках древнерусских смердов – аналоге каланных-ордынцев – на западе Червонной Руси [11, с. 235–245].

Таким образом, обращение к ретроспективному и сравнительно-историческому методам расширяет круг источников о древнерусских смердах и добавляет аргументы в пользу мнения И. Я. Фроянова о «внутренних смердах» как государственных рабах, посаженных на землю.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. М.: Наука, 1979. Т. 103. С. 242–274.
2. *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л.: Наука, 1980. 243 с.
3. *Аракчеев В. А.* Псковский край в XV–XVII веках: Общество и государство. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2003. 384 с.
4. *Вовин А. А.* «Весь Псков» и «мужи псковичи»: к вопросу об участии непривилегированного населения в политической жизни вечевых городов // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород. 2015. Т. 15 (25). С. 113–126.
5. *Вовин А. А.* Эволюция политических институтов Пскова XIV–XV вв.: Дис. ... к. и. н. СПб., 2014. 267 с.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
7. *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Кн. 1. 534 с.
8. *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 212 с.
9. *Никонов С. А.* Псковская «брань о смердах» 1484–1486 гг. (Малоизученные аспекты проблемы) // Российская государственность: история и современность: Сборник статей. СПб.: Знаменитые университеты, 2003. С. 119–128.
10. *Пашин С. С.* Каланные и ордынцы в Червонной Руси XV в. (к вопросу о происхождении королевских слуг) // Вестн. Ленингр. ун-та. Серия 2: История, языкознание, литературоведение. 1986. Вып. 2. С. 90–93.
11. *Пашин С. С.* Саночки сотные XV века // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 235–245.
12. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2003. Т. 5. Вып. 1. 44, LXIV, 147 с.
13. ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 5. Вып. 2. 364 с.
14. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 372 с.
15. *Хорошкевич А. Л.* «Брань» из-за смердов в Пскове в 80-х гг. XV в. // Русский город: историко-методологический сборник / под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. Вып. 6. С. 37–52.

Поступила в редакцию 06.06.2022

Пашин Сергей Станиславович, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и мировой политики
E-mail: pashin-s@yandex.ru

Юршина Виктория Александровна, аспирант кафедры истории и мировой политики
E-mail: 18tara@mail.ru

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Ленина 23

*S.S. Pashin, V.A. Yurshina***ONCE AGAIN ABOUT THE MOVEMENT OF THE PSKOV SMERDS IN 1483–1486**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-117-124

In the beginning of the article, various opinions of historians about the movement of the Pskov smerds in 1483–1486 are considered, the strengths and weaknesses of their argumentation are noted. Further, the role of the main participants in the events is revealed: smerds, posadniki, boyars, “black people”, as well as Ivan III and his governor in Pskov. The article focuses not on the ups and downs of the social and political conflict, but on the characteristic features of smerds that manifested themselves in the events of 1483–1486. Unlike their predecessors, who saw in the Pskov smerds of the 15th century either all villagers or some kind of state peasants, the authors of the article believe that local smerds were in heavy (possibly serf) dependence on Pskov and were descendants of ancient Russian state slaves who were put on the land – in the terminology of I. Ya. Froyanov, “internal smerds”. Ivan III supported the smerds' attempt to reduce their duties in favor of Pskov, since this reduced state revenues and increased the dependence of the Pskov veche republic on Moscow.

Keywords: Pskov, smerds, veche, Ivan III, 1483–1486.

REFERENCES

1. *Alekseev Yu. G.* “Chernye lyudi” Novgoroda i Pskova (k voprosu o social'noj evolyutsii drevnerusskoj gorodskoj obshchiny) [“Black people” of Novgorod and Pskov (to the question of the social evolution of the ancient Russian urban community)] // *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Moscow, “Nauka” Publ., 1979, vol. 103, pp. 242–274. (In Russian).
2. *Alekseev Yu. G.* Pskovskaya Sudnaya gramota i ee vremya. Razvitie feodal'nyh otnoshenij na Rusi XIV–XV vv. [Pskov Judicial Charter and its time. The development of feudal relations in Russia in the 14th – 15th centuries]. Leningrad, “Nauka” Publ., 1980, 243 p. (In Russian).
3. *Arakcheev V. A.* Pskovskij kraj v XV–XVII vekah: Obshchestvo i gosudarstvo [Pskov region in the 15th–17th centuries: Society and state]. St.Petersburg, Russko-Baltijskij informacionnyj centr BLIC, 2003, 384 p. (In Russian).
4. *Vovin A. A.* “Ves' Pskov” i “muzhi pskovichi”: k voprosu ob uchastii nepriviligirovannogo naseleniya v politicheskoy zhizni vechevyh gorodov [“All Pskov” and “men of Pskov”: on the question of the participation of the unprivileged population in the political life of veche cities] // *Novgorodskij istoricheskij sbornik* [Novgorod Historical Collection]. Velikij Novgorod, 2015. Vol. 15 (25), pp. 113–126. (In Russian).
5. *Vovin A. A.* Evolyuciya politicheskikh institutov Pskova XIV–XV vv. [The evolution of the political institutions of Pskov in the 14th – 15th centuries]. St.Petersburg, Dis. ... k.i.n., 2014, 267 p. (In Russian).
6. Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov] / Ed. S. N. Valk. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1949, 408 p. (In Russian).
7. *Grekov B. D.* Krest'yane na Rusi s drevnejshih vremen do XVII veka [Peasants in Rus' from ancient times to the 17th century]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1952. Vol. 1. 534 p. (In Russian).
8. *Marasinova L. M.* Novye pskovskie gramoty XIV–XV vekov [New Pskov diplomas of the 14th – 15th centuries]. Moscow, Moscow University Press, 1966, 212 p. (In Russian).
9. *Nikonov S. A.* Pskovskaya “bran' o smerdah” 1484–1486 gg. (Maloizuchennye aspekty problemy) [Pskov “scold about smerds” 1484–1486 (Little studied aspects of the problem)] // *Rossijskaya gosudarstvennost': istoriya i sovremennost': Sbornik statej* [Russian statehood: history and modernity: Collection of articles]. St.Petersburg, Znamenitnye universitety, 2003, pp. 119–128. (In Russian).
10. Pashin S. S. Kalannye i ordynsy v Chervonoj Rusi XV v. (k voprosu o proiskhozhdenii korolevskih slug) [Kalannies and ordynsies in Red Ruthenia in the 15th century (on the question of the origin of royal servants)] // *Vestnik Leningradskogo universiteta* [Bulletin of Leningrad university]. Seriya 2: Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie. 1986. Is. 2, pp. 90–93. (In Russian).
11. *Pashin S. S.* Sanockie sotnye XV veka [The Sanok hundred's men (sothni) in the 15th century] // *Russkie drevnosti: K 75-letiyu professora I. Ya. Froyanova* [Russian antiquities: to I. Ya. Froyanov's 75th birthday]. St.Petersburg, 2011, pp. 235–245. (In Russian).
12. PSRL. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian culture], 2003. Vol. 5. Is. 1. 44, LXIV, 147 p. (In Russian).
13. PSRL. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury [Languages of Russian culture], 2000. Vol. 5. Is. 2. 364 p. (In Russian).
14. *Froyanov I. Ya.* Kievskaya Rus': Glavnye cherty social'no-ekonomicheskogo stroya [Kievan Rus': The main features of the socio-economic system]. SPb., St. Petersburg University Publ., 1999. 372 p. (In Russian).

15. *Horoshkevich A. L.* “Bran” iz-za smerdov v Pskove v 80-h gg. XV v. [“Swearing” because of smerds in Pskov in the 80s 15th century] // *Russkij gorod: istoriko-metodologicheskij sbornik* [Russian city: Historical and methodological collection] / Ed. V. L. Yanin. Moscow, Moscow University Press, 1983, is. 6, pp. 37–52. (In Russian).

ABBREVIATURES

PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete Edition of Russian Chronicles]

Received 06.06.2022

Pashin S.S., Doctor of History, Professor of the Department of History and World Politics

E-mail: pashin-s@yandex.ru

Yurshina V.A., postgraduate student of the Department of History and World Politics

E-mail: 18tara@mail.ru

Tyumen State University

Lenina st., 23, Tyumen, Russia, 625003